

УДК 327(485)

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.02

Создание Европейского исследовательского совета: влияние шведских политических акторов

Дарья Александровна ТАЛАГАЕВА

кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка № 6
МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: d.talagaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7959-0741

Мария Давидовна РОМАНОВА (КРЫНЖИНА)

кандидат философских наук, доцент кафедры международной журналистики
МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: m.krynzhdina@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9956-4521

ЦИТИРОВАНИЕ: Талагаева Д.А., Романова М.Д. Создание Европейского
исследовательского совета: влияние шведских политических акторов // Контуры
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 20–38.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.02

Статья поступила в редакцию 11.09.2024.
Исправленный текст представлен 04.12.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского научного фонда, грант № 24-78-10173.

АННОТАЦИЯ. В данной работе авторами исследуются стратегии, идеи и позиции шведского научного сообщества в процессе создания Европейского исследовательского совета. Кейс интересен тем, что именно представители шведских организаций, финансирующих исследования, и академии принимали активное участие в данном проекте и оказали значительное влия-

ние на его окончательную реализацию. Авторы описывают роли субъектов шведской политики и анализируют факторы, которые сформировали их позиции и стратегии. Основной целью работы является изучить, как внутриполитические процессы влияют на наднациональное институциональное строительство и каковы аспекты такого влияния. В статье приводится

обоснование того, является ли позиция данных акторов отражением задач государственной политики, интересов конкретных организаций и групп интересов или они выступают от имени транснациональных сообществ. Вышеупомянутые вопросы изучаются сквозь призму трех различных версий институциональной теории. Авторы приходят к выводу о том, что процесс влияния акторов в Швеции носил восходящий характер, а именно инициаторами изменений являлись ученые и представители академического сообщества, правительство же выступало лишь гарантом и одобряло предложенные инициативы, в то же время придавая им легитимность. Кроме того, позиции акторов являются продолжением национального пути развития, то есть в какой-то степени характер предшествующих событий на национальной арене предопределял формирующуюся на тот момент европейскую повестку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский исследовательский совет, Европейское исследовательское пространство, научная политика, политический актор, эпистемическое сообщество, рамочные программы ЕС, институциональная теория.

Введение

Мало в каких областях деятельности Европейского союза (ЕС) давление в пользу всё большей интеграции было так же высоко, как в сфере научно-исследовательской политики. Столкнувшись с научно-техническим превосходством США, с начала 1960-х годов европейские лидеры выступали за активизацию интеграционных уси-

лий и сближение национальных исследовательских политик с тем, чтобы дать своевременный ответ на американский вызов и более эффективно конкурировать с США на международной арене. Так, например, государства – члены Европейского союза имели сопоставимый уровень научных публикаций на душу населения, однако США имели значительно более высокий процент высокоцитируемых научных публикаций, чем в ЕС (на США приходилось 1,64% общего числа высокоцитируемых статей и научных публикаций, а на ЕС – всего 0,25%). Еще одним свидетельством постоянного и сильного исторического лидерства США являлось количество Нобелевских премий: из 101 Нобелевской премии по химии, медицине и физике за 1988–2003 годы 68 достались США и только 23 – Европе¹. Всё это указывало на серьезную разницу между Европой и США в результатах исследований.

После окончания холодной войны стратегическая важность научных инноваций в контексте построения в Европе экономики знаний подняла европейскую науку еще выше в политической повестке дня. Так, за несколько десятилетий произошла значительная активизация деятельности Европейского союза в области проведения исследований и развития высшего образования. Итогом проводимых мероприятий стало создание Европейского исследовательского пространства (ЕИП) и Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), в результате чего национальные исследовательские политики европейских стран были тесно интегрированы, что, в свою очередь, стало диктовать необходимость инициирования новых проек-

1 The ERC. A Cornerstone in the ERA // efaidnbmnnnibpajpcglclefindmkaj/https://erc.europa.eu/sites/default/files/document/file/expert_group_final_report.pdf (дата обращения: 04.10.2024).

тов и создания ряда наднациональных институтов управления [Building the Knowledge..., 2014; University Dynamics..., 2007; Nedeva, 2015]. Реализация проекта по запуску Европейского исследовательского пространства вдохновила сторонников фундаментальной науки в Европе выступить с предложением о создании Европейского исследовательского совета – органа, который стал бы ответом на имеющиеся на континенте проблемы, связанные в основном со сложностью механизмов финансирования², которые действовали в пределах Рамочных программ (РП) ЕС по науке, а также прикладным характером последних. ЕИП, начавшее официально функционировать в 2000 г. в преддверии старта Шестой рамочной программы (РП6) по науке, стало ключевым элементом в достижении цели ЕС в «превращении в самую конкурентоспособную и передовую мировую экономику, основанную на знаниях». Ввиду признания слабой позиции европейских исследований на мировой арене и прогнозируемой нехватки высококвалифицированных исследователей для промышленности в Европе возникла необходимость внедрения новых подходов к укреплению научных исследований в Европе. Без сильной и структурированной европейской исследовательской базы с узлами реального превосходства существовал риск того, что промышленность переместит свои инвестиции в исследования и разработки в другие регионы мира.

В данной работе авторы ставят **задачу** доказать, что инициатива по созданию Европейского исследовательско-

го совета носила восходящий характер. Это значит, что в ее реализации в первую очередь были заинтересованы ученые и представители научного сообщества, имевшие политически обусловленную мотивацию. Правительство выступало лишь в качестве гаранта и обеспечивало легитимизацию действий научного сообщества. Кроме того, авторы исходят из гипотезы о том, что последние действовали в духе национального пути развития, реализовывая в наднациональном поле идеи и инициативы, которые были уже апробированы в национальной научной системе. Значительную роль в успешном завершении процесса по созданию Европейского исследовательского совета (ЕИС) сыграли усилия шведских акторов, которые особенно активно лоббировали данную инициативу на ее начальных этапах. Именно в 2001 г., когда Швеция формально была председателем в ЕС, появилась возможность для начала дискуссий о создании совета. Представители страны руководили серией совещаний, на которых в повестке обсуждения стояла европейская исследовательская политика, и шведские ученые успешно использовали данные мероприятия, чтобы изложить свою позицию. С другой стороны, в начале 2000-х годов министр образования и исследований Швеции продвигал идею об увеличении доли финансирования фундаментальных исследований и о создании организации, финансирующей исследования, по образу исследовательского совета ЕС³. Не будет неверным утверждать, что шведское правительство рассматривало данный процесс как способ увели-

2 Традиционно финансирование фундаментальных исследований в Европе входило в зону ответственности национальных научных систем, в то время как Европейская комиссия сосредотачивала свои усилия и средства преимущественно на прикладных проектах, в основном в сфере промышленных технологий. Приверженцы фундаментальной науки, однако, указывали на то, что Европейское исследовательское пространство не может быть полноценным без мероприятий, направленных на развитие долгосрочных фундаментальных исследований и учреждения Европейского исследовательского совета, который гарантировал бы их осуществление.

3 Sveriges Riksdag [The Swedish Parliament]. Records of proceeding. – 2021. – June 3, 2001/002. – 165, anf. 96.

чения влияния Швеции на ландшафте европейской политики, а также возможность получить дополнительный источник финансирования национальных проектов.

Методологическая основа

Необходимость создания наднационального научного органа была впервые озвучена еще в период становления послевоенной науки в Европе, однако реализация идеи имела, скорее, непоследовательный и некомплексный характер. Не вызывает сомнений, что подобные обсуждения привлекали многих акторов национальных исследовательских систем: представителей национальных исследовательских советов и финансирующих агентств, политиков, представляющих национальные научные министерства, а также членов Европейской комиссии, которые, за некоторым исключением, практически единогласно поддерживали данную идею, в первую очередь выдвигая аргумент о том, что многоуровневость управления процессами в научной области, а также сложность и разнообразие акторов с разным набором ролей и функций в научной системе предопределяют необходимость существования наднациональных институтов, которые служили бы площадками и форумами для обсуждения вопросов формулирования политики [Lawn, Lingard, 2002, p. 294].

Общепринятым является мнение о том, что в условиях глобализации научных исследований национальные политические сети встраиваются в общую систему европейской науки, в связи с чем их представители могут разделять идеи об институционализации науки на европейском уровне [Borzel, Heard-Laureote, 2009]. Тем не менее политические идеи главных акторов национальных сетей научной

политики привязаны к различным институциональным составляющим. Можно также сделать предположение, что нормативные позиции и определенные интересы данных игроков формируются вследствие наличия мнений относительно роли и автономии университетов, функций научных советов и степени государственного политического контроля над исследованиями и высшим образованием [Benner 2012, p. 163]. Авторы статьи пытаются подтвердить вышеназванные предположения на основе тематического изучения позиций, мнений и стратегий главных акторов научной политики в Швеции в контексте создания ЕИС в первое десятилетие XXI в. Шведские ученые и организации в сфере научной политики, а также структуры, финансирующие научные исследования, принимали непосредственное и активное участие в создании ЕИС, оказав значительное влияние на этот процесс [Building the Knowledge..., 2014, p. 111–130]. В рамках данной статьи проведен анализ позиций шведских политических акторов и определены факторы, которые привели к их формированию. Авторы считают, что для лучшего понимания комплексной роли национальных акторов в создании института общеевропейского масштаба методологически целесообразным будет использовать *теорию неоинституционализма*, объясняющей, как происходит взаимодействие институтов, интересов и идей в подобном процессе.

Отправной точкой анализа следует считать то, что политическими акторами можно назвать всех, кто так или иначе вовлечен в решение политической проблемы или вопроса. Между тем в контексте научной политики акторами целесообразно считать также представителей университетов и организаций, осуществляющих финансирование исследований [Талагаева, 2017, с. 138]. Группы акторов (подсистемы)

подобного рода можно наблюдать на разных уровнях политической системы. Следовательно, подсистемы национальной научной политики (в нашем случае шведской научной политики) встроены в общую систему европейской политики. Наконец, можно говорить об объединении акторов в «адвокационные коалиции» на основе «общих взглядов и стратегий» [The Advocacy Coalition..., 2014]. В контексте данного исследования стоит также обратить внимание на роль так называемых политических идей, стоящих за подобным институциональным решением (созданием ЕИС), которые в рамках данной статьи определяются как «представления о причинно-следственных связях, нацеленных на решение конкретных политических проблем» [Campbell, 2002; Goldstein, Keohane, 1993].

В первую очередь институциональная перспектива рационального выбора рассматривает политический процесс как силовую игру. Особое внимание уделяется политическим аспектам данного процесса, а акторы национальной политики сконцентрированы в основном на продвижении собственных интересов по отношению к другим акторам. С этой точки зрения субъекты национальной политики заинтересованы в значительной степени в максимизации собственной выгоды в виде, например, увеличения бюджета или получения больших преимуществ для структур, которые они представляют. Таким образом, победа в споре о том, как будут организованы новые институты, такие как ЕИС, также является еще одним способом повлиять на то, как ресурсы и капитал будут распределяться в будущем. Реализация подобных интересов зависит во многом от институциональной структуры организаций и устанавливаемых правил игры, которые предписывают, запрещают или разрешают определенное поведение [Moe, 1990].

Центральным вопросом здесь является определение того, в чьих интересах акторы осуществляют свою деятельность, что не всегда ясно с первого взгляда. Так, например, агентство, финансирующее проведение исследований, может представлять интересы научного сообщества или государства. Академия наук может выступать как высшая организация, представляющая исследователей и ученых, и как администрирующий орган, подчиняющийся правительству. Уместно сделать предположение, что акторы могут действовать как от имени членов научного сообщества, так и от имени государственных служащих. Между тем многоуровневая деятельность этих лиц позволяет говорить о том, что акторы национальной научной политики участвуют в переговорах и силовых играх как в коалиции с политиками (министрами), так и (иногда) в противостоянии с ними, действуя в таком случае через научные комитеты, которые готовят и формулируют решения на государственном уровне.

Связанная с институциональной перспективой рационального выбора ключевая стратегия заключается в том, что политические деятели вступают в коалиции с другими акторами для усиления собственных позиций. Так, ведущие политики могут использовать переговоры в транснациональных форматах с тем, чтобы продвигать свои интересы на национальной арене [Keohane, Nye, 2012], действуя в духе предпринимателей и создавая коалиции на национальном и наднациональном уровнях. Однако, по мнению М. Беннера, учреждения, финансирующие научные исследования, и университеты являются слабо связанными в структурном отношении организациями, имеющими связи в различных направлениях и слабо готовыми к координации [Benner, 2012, p. 165]. Такое положение дел предопределяет нали-

чие сильных индивидуальных политических деятелей, склонных к мобилизации интересов и стимулированию коллективных действий в политическом процессе. С этой точки зрения можно рассматривать такие политические идеи, как создание ЕИС, в первую очередь как «дорожную карту» действий в неопределенных обстоятельствах. Другими словами, в ситуациях без уникального равновесия политические идеи служат «фокусными точками» [Goldstein, Keohane, 1993, p. 186].

Во-вторых, в основе исторической институциональной теории лежит предположение о том, что акторы формируют свои стратегии поведения, опираясь на наследие прошлого. Считается, что учреждение институтов и принятие определенных политических решений является результатом сложных исторических процессов, о чем свидетельствуют такие характерные для институционализма понятия, как «политическое наследие», «критические моменты» и «зависимость от пути» [Thelen, 1999]. Все эти концепции исходят из того, что отклонения в политике и изменение институциональных механизмов являются реакцией на исторические события. Между тем в то время как приверженцы институционализма рационального выбора считают более важной функциональную роль института (например, роль исследовательских советов в научной политике), представители школы исторического институционализма больше интересуются истоками института и событиями, которые обусловили его происхождение, рассматривая политические изменения через призму организационной структуры и государственных возможностей, таким образом полагая, что наличие определенных организаций и программ можно считать отправной точкой многих реформ. Так, Б. Ротстайн

связывал формирование профсоюзного движения в Швеции с особой институциональной структурой на рынке труда [Rothstein, 1996]. Такая версия подчеркивает логику и механизмы обратной связи политических процессов: новые идеи и учреждение новых институтов напрямую зависят от более раннего опыта и часто являются реакцией на прошлые события [Thelen, 2004].

В рамках еще одного ответвления неоинституциональной теории, используемого в данной работе, акторы научной политики рассматриваются как носители идей или нормотворцы. Здесь особую роль играет новый нормативный вариант институционализма, раскрытый в работах Б. Петерса, где идеи являются не просто вспомогательным инструментом интересов и стратегий, а буквально их обоснованием [Peters, 2010]. Как подчеркивает нормативный институционализм, идеи подразумевают не только нормативные руководящие принципы, но и представления когнитивной политики [Schmidt, 2008, p. 317], причем последние не обязательно должны быть привязаны к организациям. Напротив, новые политические идеи часто получают развитие среди сетей акторов. Такими акторами здесь могут выступать эпистемические сообщества, объединяющиеся на основе разделяемых убеждений и знаний [Haas, 1992]. Таким образом, продвижение идей акторами в национальной политике зависит от их принадлежности к подобным сетям. Исследователи часто исходят из предположения о том, что акторы стремятся к консенсусу и открыты для новых профессиональных идей, при этом не пользуются властью; тем не менее акцент в данном случае сделан не на пассивную адаптацию акторов к институциональной среде, а на том, что эти акторы сами зачастую являются носителями политических идей.

Институционализации Европейского исследовательского совета на начальном этапе

На протяжении некоторого времени научная политика в Европейском сообществе и вопросы ее финансирования являлись прерогативой отношений между государствами [Талагаева, 2016, с. 13]. Несмотря на то, что необходимость создания Европейского исследовательского совета назрела и эта идея периодически обсуждалась еще в 1970-е годы, образованный в результате многолетних переговоров Европейский научный фонд (ЕНФ) действовал не как финансирующий орган, а всего лишь как структура, координирующая деятельность национальных исследовательских советов. В конце XX в. роль науки в Европейском союзе значительно возросла и появилась необходимость в оптимизации и интеграции национальных исследовательских усилий. Подтверждением тому можно считать Европейские рамочные программы в области науки и исследований, запуск которых регулярно осуществлялся начиная с середины 1980-х годов. На ранних этапах своего существования они носили прикладной характер, были ориентированы на исследования в области промышленности и стимулировали развитие транснационального сотрудничества. РП того времени были инициированы бюрократическими и сильно ориентированными на определенную задачу организациями, а финансирование их государством предопределяло соответствие определенным политическим приоритетам [Building the Knowledge..., 2014, p. 114]. В начале XXI в. на повестку дня встал вопрос о необходимости реформирования РП, а некоторые ведущие ученые и политики стали выступать за смещение фокуса внима-

ния в пользу фундаментальной науки. Вновь центральным стал вопрос создания европейского исследовательского совета в дополнение к существовавшим рамочным программам, которые на тот момент рассматривались как излишне бюрократизированный, связанный с большим политическим участием инструмент, отвечающий лишь краткосрочным целям. Данные предложения были основаны на доводах о том, что европейские страны на тот момент сильно отставали от США в научном превосходстве, а сторонники данной идеи часто ссылались на Национальный научный фонд (ННФ) в качестве примера в вопросе учреждения новой организации на европейском научном ландшафте [Коннов, Шестопал, 2016]. Основными аргументами среди оппозиционеров данной идеи были недоверие к проекту в целом и опасения по поводу отсутствия национальных выгод, а со стороны представителей ЕС критика была связана с утверждением о том, что подобный орган будет противоречить законодательству ЕС [König, 2016]. Однако многие наблюдатели сходятся во мнении, что за относительно небольшое время ЕИС стал основным признанным органом в исследовательской политике Европейского союза [Nedeva, 2013; Building the Knowledge..., 2014]. Как показывают многочисленные исследования и отчеты, скандинавские и шведские акторы внесли значительный вклад в продвижение идеи о создании ЕИС и его окончательном запуске. Так, Д. Гронбаек утверждает, что «шведские ученые и политики были в авангарде процесса создания ЕИС» [Gronbaek, 2003, p. 396].

В начале 2000 г. усилиями ведущих представителей основных агентств по финансированию исследований в Швеции (Юбилейного фонда Шведского государственного банка, Шведского исследовательского совета,

Нобелевского фонда) была создана неформальная сеть, ставшая форумом для обсуждения вопроса о реформировании европейской политики в области науки и исследований. Сеть объединила представителей правительственных структур, а также ряд акторов из других стран. В итоге данная неформальная сеть получила название Шведский комитет по реформе европейской исследовательской политики и была аффилирована с Юбилейным фондом государственного банка Швеции. Основная задача и цель его работы заключались в продвижении идеи о создании ЕИС, который был бы схож по функционалу с Национальным научным фондом США.

Используя формальное председательство Швеции в ЕС в 2001 г., ключевые фигуры Комитета включили идею о создании Исследовательского совета в повестку дня, а по договоренности с датскими политиками эта идея получила развитие и в ходе председательства в ЕС Дании в следующем году, в 2002-м. Интересно, что именно датчане стали инициаторами создания экспертной рабочей группы для подготовки условий к учреждению ЕИС. Ввиду того, что на начальных этапах руководство ЕС и представители некоторых стран скептически отнеслись к идее о создании ЕИС, экспертная группа мобилизовала свои транснациональные контакты для проведения активной лоббистской деятельности. Некоторые ключевые должности в транснациональных организациях и сетях ученых занимали шведы, чье влияние также способствовало продвижению проекта на европейском уровне. Как пишет Д. Гронбаек, исполнительный директор Нобелевского фонда М. Золман смог заручиться поддержкой ряда лауреатов Нобелевской премии, а также ввиду наличия у него контактов во многих структурах научно-исследовательской

политики в странах Европы, в том числе во Франции, он смог оказать существенное влияние на конечную реализацию данной идеи [Gronbaek, 2003, р. 397]. Безусловно, данный процесс следует рассматривать в контексте более масштабных международных переговоров, тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что именно группа шведских акторов оказала значимое и, возможно, решающее влияние в вопросе создания ЕИС.

Позиции и стратегии политических акторов Швеции в историческом контексте

Исторически исследовательская система Швеции характеризовалась слабой централизованностью, что создавало благоприятные условия для независимой работы университетов и исследовательских советов, контроль над которыми осуществлялся в основном членами научного сообщества. В системе науки также работали специализированные агентства, которые руководствовались задачами и интересами государственной политики, управление которыми обычно находилось в руках лидеров заинтересованных групп. Финансирование проводилось согласно постановлениям парламента, после чего средства непосредственно распределялись главами университетов. В этот же период в Швеции были созданы несколько автономных научных советов, управление которыми было передано ученым, избранным научной общественностью. Так в стране сформировалась плюралистичная, в определенной мере демократичная, система научных исследований, где реальная власть принадлежала практикам. Однако возник недостаток централизованных инструментов управления, необходимых для уравнивания децентрали-

зованного контроля над политикой исследований и принятия стратегических решений в этой области. Проблема обострилась при обсуждении участия страны в *проекте ЦЕРН-2*, что подразумевало удвоение взносов в общий бюджет программы и постоянное решение вопросов на законодательном уровне [Касаткин, Талагаева, 2016]. В шведской научной среде начались ожесточенные дебаты о рациональности присоединения к общеевропейским программам и выборе высшего органа, который примет окончательное решение. Конфликт был урегулирован, когда премьер-министр страны Улаф Пальме объявил, что научное сообщество должно найти необходимые средства в рамках имеющихся бюджетов и нести ответственность за свои действия. Это решение было закреплено законодательно, что привело к дальнейшему ослаблению и без того децентрализованной системы. Позже были предприняты попытки исправить ситуацию: предложены инициативы по созданию общих механизмов управления и контроля за финансами. В 1977 г. был создан Национальный совет по планированию и координации исследований. Его миссия заключалась в руководстве междисциплинарными проектами и в их финансировании, а также в развитии научной инфраструктуры. Совет был распущен в 1990 г., когда четыре дисциплинарных исследовательских совета были объединены в одну структуру – Шведский исследовательский совет, что было мотивировано стремлением улучшить координацию в научной политике Швеции.

В случае с продвижением идеи о ЕИС шведские акторы руководствовались схожими интересами, так как вполне можно было ожидать, что создание новой структуры, руководящим принципом работы которой

стало бы сотрудничество национальных научных сообществ и относительно при этом отсутствие национальных интересов, будет выгодно для стран с богатым исследовательским опытом, в том числе для Скандинавии в целом и Швеции в частности. В условиях недовольства рамочными программами с бюрократическим и неэффективным механизмом финансирования в научном сообществе назрел вопрос о необходимости реформирования системы в пользу более понятных, открытых и конкурентных процедур подачи конкурсных заявок.

Ввиду подобных структурных особенностей предполагалось, что основными сторонниками идеи создания ЕИС в Швеции будут представители научного сообщества, а также сами организации, осуществляющие финансовую поддержку исследований. В 2000 г. в результате реформы, предполагающей слияние всех существующих в научной системе Швеции исследовательских советов, именно Исследовательский совет Швеции стал важным актором в исследовательской политике страны, в его юрисдикцию входили координация государственного финансирования, поддержка фундаментальных наук и проведение дисциплинарных исследований. Правление Совета сходилась во мнении, что продвижение фундаментальных наук возможно в случае проведения исследований на основе системы рецензирования (то есть принцип, схожий с лежащим в основе создания ЕИС), что также послужило дополнительным фактором, ускорившим учреждение Европейского исследовательского совета.

Королевская академия наук Швеции, являющаяся независимой организацией, в задачу которой входит продвижение науки и усиление ее влияния в обществе, также сыграла нема-

ловажную роль в мобилизации мнения членов ученого сообщества в пользу создания Европейской структуры. Помимо прочего, Академия наук имела крепкие связи с другими академиями в Европе, сотрудничество с которыми также использовалось для продвижения шведских интересов в транснациональных сетях.

В период с 2002 по 2004 г. представители расположенного в Стокгольме Фонда Нобеля активно участвовали в различных рабочих группах и экспертных советах, занимающихся вопросами создания Европейского исследовательского совета. Используя свой авторитет и влияние в международном научном сообществе, они яростно отстаивали идею о необходимости оптимизации финансирования фундаментальной науки [Persson, 2018]. Так, председатель Нобелевского фонда в тот период, известный шведский биохимик Бенгт Самуелссон, и Ларс Юлленстен, член Академии наук Швеции, обладавший значительным весом в научном сообществе, написали открытое письмо премьер-министру Швеции Хансу-Йорану Перссону, в котором призывали его выступить с поддержкой идеи о необходимости оказания покровительства европейской фундаментальной науке и модернизации существовавших моделей финансирования [Feldman, 2012].

Роль шведских политиков в учреждении Европейского исследовательского совета

Стоит рассмотреть также, какую роль сыграли непосредственно шведские политики в этом вопросе. Во-первых, само социал-демократическое правительство Ханс-Йоран Перссона (1996–2006) в целом благосклонно относилось к финансированию исследовательской политики через советы

и одобряло развитие фундаментальных наук. В 1998 г. на пост министра образования был назначен Т. Острос, что было воспринято как мера по восстановлению доверия научного сообщества к правительству, так как его предшественник К. Тэм поддерживал идею о создании новых региональных университетских колледжей, которую представители более старых университетов восприняли в штыки, и некоторое время отношения между политиками и представителями академической среды оставались прохладными [Persson, 2018].

Уже упоминавшееся председательство Швеции в ЕС в первой половине 2001 г. дало возможность организации серии встреч, на которых главным пунктом повестки дня было именно создание ЕИС. Сторонники идеи из представителей ученых использовали переговоры для продвижения своей точки зрения. По данным некоторых источников, министр образования изначально скептически отнесся к предложению, однако благодаря усилиям советника правительства по науке Х. Вигцелля, который был ярким сторонником ЕИС, шведского министра удалось склонить поддержать усилия комитета [Edqvist, 2009]. Не будет преувеличением сказать, что шведские политики могли рассматривать эту возможность сыграть ключевую роль в учреждении крупной наднациональной структуры с тем, чтобы усилить общее влияние Швеции в ЕС и играть большую роль в европейской политике. Если на первых этапах деятельность по созданию ЕИС проходила в основном на национальной арене, уже с 2002 г. шведский комитет стал активно взаимодействовать с наднациональными институтами ЕС. Процессы регулировались преимущественно неформальными переговорами заинтересованных

лиц или организаций. Политики всех стран Северной Европы изначально играли решающую роль, а датские политики, действуя в союзе со своими шведскими коллегами, по инициативе последних включили вопросы создания ЕИС в повестку дня ЕС и мобилизовали ресурсы на поддержку проекта на национальном, региональном и европейском уровнях. Можно говорить о том, что транснациональные сети (в первую очередь между датскими и шведскими финансирующими органами) стали ключевым фактором в обеспечении поддержки идеи о Европейском исследовательском совете.

В 2003 г. был опубликован доклад экспертов во главе с профессором Федерико Майором, в котором было описано, как может возникнуть ЕИС. Важный вклад в обсуждения был внесен из многих источников, включая Исследовательский консультативный совет ЕС (*EURAB*), Европейский научный фонд (*ESF*), Европейскую федерацию наук о жизни (*ELSF*), Европейскую ассоциацию университетов (*EUA*). Тогда же по инициативе министра науки, технологий и инноваций Дании Хельге Сандера была сформирована группа высококвалифицированных экспертов для более глубокого изучения возможностей создания Европейского исследовательского совета. Эта группа пришла к выводу, что в ЕС назрела необходимость учреждения структуры для поддержки передовых исследований⁴. Примечательно, что секретарем экспертной группы был назначен швед Дэн Брэнстрем, директор Фонда трехсотлетия Банка Швеции. Несколько других экспертных групп, включая ту,

которая была сформирована по решению Европейского научного фонда, которой было поручено проанализировать экономические последствия Лиссабонской декларации, и группу высокого уровня, созданную по усмотрению Европейской комиссии, также пришли к аналогичному выводу и поддержали эту идею. В 2006 г. Европейский парламент и Совет министров ЕС приняли Седьмую рамочную программу (РП7) поддержки исследований Европейским союзом, важной частью которой стал ЕИС. На открытии конференции в Берлине, посвященной ЕИС, различные спикеры говорили о «концепции, время которой пришло», «европейском центре идей», «лиге чемпионов», «великом дне для Европы и великом дне для науки» и начале «эффекта снежного кома»⁵.

Интерес может вызывать тот факт, что, по сообщениям источников, у Швеции не существовало единой последовательной государственной стратегии. Скорее, процесс носил восходящий характер, в котором активными участниками были представители научного и академического сообщества, а политики уже реагировали на него. Очевидно, шведские ученые видели в ЕИС массу преимуществ для национальной научной системы, в первую очередь продвижение фундаментальных исследований и увеличение внешнего финансирования исследовательских проектов. Само же по себе учреждение наднационального европейского органа было для них вторично. По их мнению, учреждение европейского органа не должно было бы заменить национальные советы, а лишь усилило бы их роль и дало бы возможность

4 The European Research Council. A Cornerstone in the European Research Area. – Copenhagen: Ministry of Science, Technology and Innovation, 2003. – 40 p. – URL: <https://ufm.dk/en/publications/2003/files-2003/european-research-council-a-cornerstone.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

5 ERC Launch Conference. – URL: <https://erc.europa.eu/event/erc-launch-conference> (дата обращения: 01.10.2024).

Европейской комиссии сконцентрироваться на инновациях, а не на научных исследованиях. Чтобы объяснить, как материальные интересы национальных акторов влияли на принятие конкретной идеи, следует обратиться ко второй версии неoinституциональной теории, которая касается зависимых от выбранного исторического пути конкретных политических идей. В случае со Швецией можно отметить, что характеристики модели ЕИС схожи с таковыми у национальных научных органов. Так, современная структура шведских финансирующих исследования органов восходит еще к военным годам, когда был создан ряд исследовательских советов, поддерживающих среди прочего и фундаментальные исследования. Их структура не была очевидной, но важным было то, что государство стремилось усилить координацию ресурсов, выделяемых на науку, и в связи с этим простое увеличение финансирования отдельных университетов не отвечало поставленным задачам. Тем не менее обладающие на тот момент значительной автономией университеты предпочитали прямое финансирование, и модель советов (то есть учреждений, объединявших государственных представителей и научные сообщества) казалась разумным компромиссным вариантом [Nybom, 1997]. Несмотря на то, что механизмы исследований в Швеции видоизменялись, модель исследовательского совета продемонстрировала стабильность и высокую эффективность. Исследовательский совет являлся основным государственным инструментом поддержки фундаментальной науки, но также получил повсеместное признание в качестве механизма финансирования отраслевых исследовательских проектов. Активная поддержка подобной структуры ЕИС в ходе обсуждения и переговоров со стороны шведских акторов сы-

грала не последнюю роль в учреждении его в том виде, в котором он работает и по сей день. Социал-демократическое правительство Швеции того времени рассматривало исследовательский совет как справедливый механизм управления научной политикой и постоянно придерживалось такой позиции в дискуссиях о ЕИС на межгосударственном уровне. По свидетельствам источников, подобная позиция имела успех в ходе переговоров во многом потому, что национальный шведский исследовательский совет считался эффективной моделью обеспечения конкурентоспособности в Швеции [Persson, 2018, p. 413].

С точки зрения третьей перспективы изучения роли шведских акторов в создании ЕИС стоит рассмотреть их в качестве носителей идей и нормотворцев, которые разделяют общую цель и ценности в анализе разработки политики. Не вызывает сомнений, что институциональное решение о создании ЕИС основано на идеях о финансировании исследований, которые преобладают в научных системах многих развитых стран. Эти идеи получили распространение в первый послевоенный период и прочно укоренились в сознании научного сообщества. Это похоже на то, что П. Хааса назвал «эпистемическим сообществом», которое объединяет сторонников этого институционального решения, хотя бы в контексте учреждения общего и единого механизма финансирования.

Во многих отношениях поведение и убеждения шведской коалиции сторонников создания ЕИС было основано на общих нормативных ценностях и убеждениях. Они придерживаются схожих ценностей («конкурентоспособность», «справедливость») и критикуют существующие в РП преграды («бюрократия», «государственное регулирование») [Edqvist, 2009]. Создается

ощущение, что шведские акторы воспринимают себя в этом процессе как защитники определенной политической идеи. Действительно, модель ЕИС восходит к нормам шведской политической системы, а деятельность шведских акторов исходила из понимания «общего места Швеции как страны, в которой исследовательская политика всегда занимала особое почетное место и где функционируют сотни научных организаций, финансирующих научные исследования» [Konig, 2016]. Идеи шведских участников процесса создания ЕИС касательно структуры исследовательского совета, процессов рецензирования, инициации исследовательских проектов «снизу вверх» и конкуренция оказались важны. В этом случае национальные акторы приносили идею, основанную на национальном контексте, в новое международное поле, то есть можно говорить о том, что они являлись политическими акторами на европейском уровне.

Дискуссия

Инициатива по созданию Европейского исследовательского совета являлась уникальным по своей сути мероприятием по продвижению идеи об институционализации независимого финансирующего органа на европейском уровне в политический дискурс своего времени [Luukkonen, 2014, p. 30]. Сторонники данной идеи – выдающиеся ученые, представители транснациональных научных сетей, чиновники и политики – вместе составляли элиту европейской науки и выражали опасения, что она не могла конкурировать с ведущими научными системами мира

в силу отсутствия единого координирующего органа с прозрачными и понятными процедурами конкурсного отбора исследовательских заявок. Результатом их упорных действий стало учреждение в 2007 г. ЕИС как главной структуры европейского научно-исследовательского ландшафта. Анализ, представленный в данной работе, продемонстрировал, что акторы национальной научно-исследовательской системы в Швеции имели в первую очередь не властные или материальные, а скорее политические цели. Все они были движимы общим взглядом на ценностные и нормативные ориентиры развития научной системы на рубеже веков, в основе которых лежала твердая вера в идею проекта о европейской интеграции.

Безусловно, выступая с инициативой общеевропейского масштаба, шведская наука оказалась среди бенефициаров процесса, о чем в дальнейшем свидетельствуют объективные индикаторы научной вовлеченности страны в научные проекты и институты европейского масштаба, которые было бы невозможно осуществить без финансирования из наднациональных институтов. Так, в частности, профессор Дэниз Кирик из Лундского университета смог разработать многообещающую генную терапию для лечения болезни Паркинсона, получив грант ЕИС на сумму 2 млн евро⁶. В 2007 г. Хенрик Эхрссон из Каролинского института получил грант на 900 тысяч евро на изучение нейронных механизмов человеческого организма⁷. Благодаря финансированию из ЕИС атомный физик Анна Л'Уилье из Лундского университета создала рабочую группу, занимавшуюся изучением электронной динамики атомных систем, за

6 Ten years of the European Research Council. – URL: <https://erc.europa.eu/news/ten-years-european-research-council-european-success-story> (дата обращения: 01.10.2024).

7 Neuroscience 2012: An insight into ERC projects. – URL: <https://erc.europa.eu/projects-statistics/science-stories/neuroscience-2012-insight-erc-projects> (дата обращения: 02.10.2024).

что в 2023 г. получила Нобелевскую премию по физике⁸. В 2020 г. в разгар пандемии COVID-19 Пия Досенович, доцент Каролинского института, использовала средства ЕИС, чтобы изучать, как клетки приобретают специфические свойства, необходимые для защиты от ВИЧ и других вирусов⁹.

В конце 2014 г. ЕС запустил самую обширную РП под названием «Горизонт 2020» для исследований и инноваций на общую сумму 80 млрд евро, выделенных из бюджета. Швеция принимала активное участие во всех инициативах программы «Горизонт 2020», а также была включена в многочисленные программы сети ERA-NET, которые помогали в управлении исследовательскими грантами. С 2021 г. Швеция является одним из крупнейших реципиентов инновационной программы ЕС «Горизонт Европа», общий бюджет которой превышает 100 млрд долл. Множество ежегодных отчетов по научной деятельности Швеции в рамках Европейского пространства науки показывают, что страна эффективно интегрировалась в общеевропейские инициативы. Стоит отметить, что после выполнения всех рамочных программ Швеция занимает 4-е место среди стран – членов ЕС по количеству поддержанных заявок и 7-е место по объему финансовой поддержки. Шведские университеты устойчиво удерживают высокие позиции в международных рейтингах. Например, три университета страны регулярно входят в топ-100 рейтинга *QS-University Ranking* (на октябрь 2024 г. Университет Лунда – 75-е место, Университет Уппсалы –

103-е место, Королевский технологический институт – 74-е место)¹⁰.

По данным 8-й Рамочной программы, 46% финансирования из бюджета ЕС, предназначенного для науки в Швеции, было распределено между пятью университетами (Университет Уппсалы – 7%, Университет Лунда – 9%, Королевская высшая техническая школа – 9%, Технический университет Чалмерса – 7%, Каролинский институт – 14%).

Швеция демонстрирует высокие результаты в развитии научно-исследовательской системы, ежегодно находясь в числе лидеров по вкладу в исследования и разработки. В стране университеты являются основными площадками для фундаментальных научных исследований, в то время как прикладная наука в основном осуществляется в корпоративной сфере, включая как частные, так и государственные организации. Инфраструктура исследований и научная политика Швеции соответствуют рамочным программам ЕС, в которых страна активно участвует через Национальный исследовательский совет. Так, например, в 2023 г. среди организаций, получивших максимальные суммы грантов из бюджета программы «Горизонт Европа», оказался Лундский университет, финансирование которого из европейских средств составило более 63 млн евро¹¹.

Всё вышесказанное свидетельствует о высокой степени интеграции Швеции в европейские программы научного развития и о соответствии национальных задач научного комплекса страны общеевропейским приоритетам научной политики. На сегодняшний день

8 Nobel Prize. – URL: <https://erc.europa.eu/projects-statistics/scientific-prizes/nobel-prize> (дата обращения: 03.10.2024).

9 Frontier Research at the Service of Coronavirus Pandemic. – URL: <https://erc.europa.eu/news-events/magazine/frontier-research-service-coronavirus-epidemic-response> (дата обращения: 05.10.2024).

10 QS-University Rankings – Top Universities. – URL: <http://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings> (дата обращения: 30.09.2024).

11 Horizon Europe 2023: Winners and Losers Revealed. – URL: <https://euraxess.ec.europa.eu/worldwide/india/news/horizon-europe-2023-winners-and-losers-revealed> (дата обращения: 01.10.2024).

Швеция представляет собой успешно развивающуюся мощную постиндустриальную экономику и выигрывает в большей степени от интеграционных процессов внутри ЕС, претендуя на получение дополнительного финансирования от наднациональных проектов.

Заключение

В статье рассмотрены стратегии и позиции акторов национальной научной политики в Швеции и коалиций акторов на наднациональном поле. Основной целью было изучение влияния внутриполитических процессов на наднациональное институциональное строительство и факторов такого влияния.

Таким образом, влияние шведских акторов на процесс создания ЕИС проявлялось в коалиционном воздействии лиц, имеющих устойчивые позиции как в национальной, так и транснациональной системах науки. Процесс не носил нисходящий характер, которым управляло бы правительство страны, – скорее, наоборот: правительство лишь поддерживало и одобряло инициативы участников научного сообщества и придавало легитимность их решениям.

В статье подчеркивается, что позиции акторов являются продолжением национального пути развития, то есть в какой-то степени модель и характер предшествующих событий на национальной арене предопределяли формирующуюся европейскую повестку. Сложные взаимодействия между научным сообществом и политическими акторами, а также влияние международных норм и практик привели к созданию Европейского исследовательского совета. Это исследование подчеркивает важность сотрудничества и сетевого взаимодействия в формировании научной политики как на национальном, так и на европейском уровне.

Список литературы

Касаткин П.И., Талагаева Д.А. Атомная дипломатия: ЦЕРН и Евратом как модели наднациональных структур // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 12 (102). – С. 120–124.

Коннов В.И., Шестопал А.В. Введение. Национальные фонды поддержки науки в контексте общества знаний // Социально-политическая функция национальных научных фондов : сборник статей. – Москва: МГИМО-Университет, 2016. – С. 5–17.

Талагаева Д.А. Европейское научное сообщество как политический субъект: история формирования и институциональные опоры // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 2 (49). – С. 133–149.

Талагаева Д.А. Формирование Европейского научного пространства: подходы Скандинавских стран : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва : МГИМО-Университет, 2016. – 28 с.

Benner M. Big Science in a Small Country: Constraints and Possibilities of Research Policy // In Pursuit of a Promise: Perspectives on the Political Process to Establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden / Ed. by O. Hallösten. – Lund : Arkiv forlag, 2012. – P. 159–172.

Borzel T.A., Heard-Laureote K. Networks in EU multi-level Governance: Concepts and Contributions // Journal of Public Policy. – 2009. – Vol. 29, N 2. – P. 131–151. – DOI: 10.1017/S0143814X09001044.

Building the Knowledge Economy in Europe / Ed. by M. Chou, A.A. Gornitzka. – Cheltenham : Edward Elgar, 2014. – 264 p.

Campbell G. Ideas, politics and Public Policy // Annual Review of Sociology. – 2022. – Vol. 28, N 1. – P. 21–38. – DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141111.

Edqvist O. Grenselos forskning: Om Internationalisering av Svensk Forskning. – Nora : Nya Doga, 2009. – 56 s. – Швед. яз.

Feldman B. The Nobel Prize: A History of Genius, Controversy and Prestige. – [S. l.] : Arcade, 2012. – 498 p.

Goldstein J., Keohane R. Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / Ed by J. Goldstein, R. Keohane. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993. – P. 173–206.

Gronbaek D. A European Research Council: An Idea Whose Time Has Come? // Science and Public Policy. – 2003. – Vol. 30, N 6. – P. 391–404. – DOI: 10.3152/147154303781780263.

Haas P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. – 1992. – Vol. 46, N 1. – P. 1–35. – DOI: 10.1017/S0020818300001442.

Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. World Politics in Transition. 4th ed. – Boston, MA : Longman, 2012. – 54 p.

Konig T. The European Research Council. – Cambridge : Polity Press, 2016. – 240 p.

Kropp K. The European Research Council by Thomas Konig // Science and Public Policy. – 2019. – Vol. 46, N 5. – P. 784–785. – DOI: 10.1093/scipol/scz015.

Lawn M., Lingard B. Constructing a European Policy Space in Educational Governance: The Role of Translational Policy Actors // European Educational Research Journal. – 2002. – Vol. 1, N 2. – P. 290–307. – DOI: 10.2304/eej.2002.1.2.6.

Luukkonen T. The European Research Council and the European research funding landscape // Science and Public Policy. – 2014. – Vol. 41, N 1. – P. 29–43. – DOI: 10.1093/scipol/sct031.

Moe T. Political Institutions: The Neglected Side of the Story // Journal of Law, Economics, and Organization. – 1990. – Vol. 6, special issue. – P. 213–253. – DOI: 10.1093/jleo/6.special_issue.213.

Nedeva M. Between the Global and the National: Organizing European Science // Research Policy. – 2013. – Vol. 42, N 1. – P. 220–230. – DOI: 10.1016/j.respol.2012.07.006.

Nybom T. Kunskap-politikk- samhälle: essar om Kunskapsyn, universitet och forskningspolitik. – Hargshamn : Hjalmar&Jorgen bokforlag, 1997. – 87 s. – Швед. яз.

Persson B. Interests, Ideas and Legacies of the past: analyzing the Positions and Strategies of Swedish Policy Actors in the Establishment of the ERC // European Educational Research Journal. – 2018. – Vol. 17, N 3. – P. 404–420. – DOI: 10.1177/1474904117719142.

Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 3rd ed. – New York : Continuum, 2010. – 232 p.

Rothstein B. The Social-Democratic State. The Swedish Model and the Bureaucratic Problem of Social Reforms. – Pittsburgh, PA : University of Pittsburgh Press, 1996. – 240 p.

Schmidt V.A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // The Annual Review of Political Science. – 2008. – Vol. 11, N 1. – P. 303–326. – DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342.

The Advocacy Coalition Framework: Foundation, Evolution, and Ongoing Research / Jenkins-Smith H.C., Nohrstedt D., Weible Ch.M., Ingold K. // Theories of the Policy Process / Ed. by P.A. Sabatier, C.M. Weible. – Boulder, CO : Westview Press, 2014. – P. 183–224.

Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // The Annual Review of Political Science. – 1999. – Vol. 2, N 3. – P. 369–404. – DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369.

University Dynamics and European Integration / Ed. by J. Olsen, P. Maassen. – Dorfrecht : Springer, 2007. – 245 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.02

The Inception of the European Research Council: The Role of Swedish Political Actors

Daria A. TALAGAEVA

PhD (Political Science), Associated Professor of the English Department no. 6
MGIMO University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: d.talagaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7959-0741

Maria D. ROMANOVA

PhD (Philosophy), Associated Professor of the Department of International Journalism
MGIMO University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: m.krynzchina@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9956-4521

CITATION: Talagaeva D.A., Romanova M.D. (2024). The Inception of the European Research Council: The Role of Swedish Political Actors. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 20–38 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Received: 11.09.2024.

Revised: 04.12.2024.

ACKNOWLEDGEMENT. The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 24-78-10173).

ABSTRACT. *The authors explore the strategies, concepts, and perspectives of the Swedish academic community during the creation of the European Research Council. This case is of particular research interest because representatives of Swedish research funding organizations and academies actively participated in the project and exerted a measurable influence during its final stages. The article examines the roles played by Swedish political actors and analyzes the factors that shaped their positions and strategies. Its main objective is to investigate how domestic political processes affect suprana-*

tional institution-building and to identify the specific dimensions of this influence. The authors assess whether the positions of these actors reflect public policy goals, the interests of particular organizations and advocacy groups, or whether they act on behalf of transnational communities. These questions are addressed through the lens of three distinct versions of institutional theory. The authors conclude that the influence exerted by Swedish actors followed a bottom-up pattern: the driving forces behind the changes were scientists and representatives of the academic community, while the government played the

role of guarantor – approving and legitimizing the proposed initiatives. Additionally, the positions taken by these actors are viewed as a continuation of Sweden's national development trajectory. In other words, the nature of prior domestic events helped shape the European agenda that was emerging at the time.

KEYWORDS: European Research Council, European Research Area, science policy, political actor, epistemic community, EU Framework programmes, institutional theory.

References

- Benner M. (2012). Big Science in a Small Country: Constraints and Possibilities of Research Policy. In: Hallsten O. (ed.) *In Pursuit of a Promise: Perspectives on the Political Process to Establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden*. Lund: Arkiv forlag, pp. 159–172.
- Borzel T.A., Heard-Laureote K. (2009). Networks in EU multi-level Governance: Concepts and Contributions. *Journal of Public Policy*. Vol. 29, no. 2, pp. 131–151. DOI: 10.1017/S0143814X09001044.
- Building the Knowledge... (2014). Chou M., Gornitzka A.A. (eds.). *Building the Knowledge Economy in Europe*. Cheltenham: Edward Elgar, 264 pp.
- Campbell G. (2022). Ideas, politics and Public Policy. *Annual Review of Sociology*. Vol. 28, no. 1, pp. 21–38. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141111.
- Edqvist O. (2009). *Grenselo's Research: On the Internationalization of Swedish Research*. Nora: Nya Doxa, 56 pp. (in Swedish).
- Feldman B. (2012). *The Nobel Prize: A History of Genius, Controversy and Prestige*. S. I.: Arcade, 498 pp.
- Goldstein J., Keohane R. (1993). Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework. In: Goldstein J., Keohane R. (eds.). *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 173–206.
- Gronbaek D. (2023). A European Research Council: An Idea Whose Time Has Come? *Science and Public Policy*. Vol. 30, no. 6, pp. 391–404. DOI: 10.3152/147154303781780263.
- Haas P. (1992). Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. Vol. 46, no. 1, pp. 1–35. DOI: 10.1017/S0020818300001442.
- Kasatkin P.I., Talagaeva D.A. (2016). Atomic diplomacy: CERN and Euratom as supranational structures. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura*. No. 12 (102), pp. 120–124 (in Russian).
- Keohane R., Nye J. (2012). *Power and Interdependence. World Politics in Transition*. 4th ed. Boston, MA: Longman, 54 pp.
- Konig T. (2016). *The European Research Council*. Cambridge: Polity Press, 240 pp.
- Konnov V.I., Shestopal A.V. (2016). Introduction. National funds for science support in the context of the knowledge society. In: *Socio-political Function of National Scientific Funds: Collection of Articles*. Moscow: MGIMO-University, pp. 5–17 (in Russian).
- Kropp K. (2019). The European Research Council by Thomas Konig. *Science and Public Policy*. Vol. 46, no. 5, pp. 784–785. DOI: 10.1093/scipol/scz015.
- Lawn M., Lingard B. (2002). Constructing a European Policy Space in Educational Governance: The Role of Transnational Policy Actors. *European Educational Research Journal*. Vol. 1, no. 2, pp. 290–307. DOI: 10.2304/eej.2002.1.2.6.
- Luukkonen T. (2014). The European Research Council and the European research funding landscape. *Science and Public Policy*. Vol. 41, no. 1, pp. 29–43. DOI: 10.1093/scipol/sct031.
- Moe T. (1990). Political Institutions: The Neglected Side of the Story. *Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 6, special issue, pp. 213–253. DOI: 10.1093/jleo/6.special_issue.213.

Nedeva M. (2013). Between the Global and the National: Organizing European Science. *Research Policy*. Vol. 42, no. 1, pp. 220–230. DOI: 10.1016/j.respol.2012.07.006.

Nybom T. (1997). *Knowledge – Policy – Society: Essays on Knowledge View, University and Research Policy*. Hargshamn: Hjalmar&Jorgen bokforlag, 87 pp. (in Swedish).

Persson B. (2018). Interests, Ideas and Legacies of the past: analyzing the Positions and Strategies of Swedish Policy Actors in the Establishment of the ERC. *European Educational Research Journal*. Vol. 17, no. 3, pp. 404–420. DOI: 10.1177/1474904117719142.

Peters B.G. (2010). *Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism*. 3rd ed. New York: Continuum, 232 pp.

Rothstein B. (1996). *The Social-Democratic State. The Swedish Model and the Bureaucratic Problem of Social Reforms*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 240 pp.

Schmidt V.A. (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. *The Annual Review of Political Science*. Vol. 11, no. 1,

pp. 303–326. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342.

Talagaeva D.A. (2016). *The Establishment of the European Research Area: Approaches of the Scandinavian Countries*. PhD Thesis. Moscow: MGIMO-University, 28 pp. (in Russian).

Talagaeva D.A. (2017). European Academic Community as a Political Actor: Historical Evolution and Institutional Foundations. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 15, no. 2 (49), pp. 133–149 (in Russian).

The Advocacy Coalition... (2014). Jenkins-Smith H.C. et al. The Advocacy Coalition Framework: Foundation, Evolution, and Ongoing Research. In: Sabatier P.A., Weible C.M. (eds.). *Theories of the Policy Process*. Boulder, CO: Westview Press, pp. 183–224.

Thelen K. (1999). Historical Institutionalism in Comparative Politics. *The Annual Review of Political Science*. Vol. 2, no. 3, pp. 369–404. DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369.

University Dynamics... (2007). Olsen J., Maasen P. (eds.). *University Dynamics and European Integration*. Dordrecht: Springer, 2007. 245 pp.